

УДК 903.6

Р.С. Васильевский*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: nol@fort.archaeology.nsc.ru*

ЛАБРЕТКИ В КУЛЬТУРАХ СЕВЕРОТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Введение

Исследователям древних культур северной части Тихоокеанского побережья хорошо знакомы своеобразные лицевые украшения (для носа, рта, губ), т.н. лабретки. Лабретки – один из твердых этнических индикаторов. По сообщениям русских и зарубежных мореплавателей XVII – XIX вв., обычай носить лабретки был распространен у алеутов, эскимосов и индейцев Северо-Западной Америки.

Первые упоминания об этих своеобразных украшениях содержатся в челобитных и “сказках” русских землепроходцев XVII в., вошедших в контакты с аборигенами новооткрытых земель на северо-востоке Азии. Так, С. Дежнёв, продвигаясь по Чукотскому полуострову, встретил на мысе Нос “зубатых чукчей” [Народы Сибири, 1956, с. 940 – 943]. “Зубатые чукчи” – это эскимосы, нижние губы которых пронизывали выступающие наружу костяные вставки – лабретки.

С открытием Алеутских островов от русских мореходов и промышленников котиков и морских бобров стали поступать сообщения об алеутах, лица которых были украшены лабретками [Берг, 1924, с. 118 – 122; 1946, с. 285 – 292]. Несколько позже алеутов с лабретками описывали русские мореплаватели [Врангель, 1839, с. 54 – 82; Сарычев, 1952, с. 144 – 174, 183 – 208], миссионеры [Вениаминов, 1840, с. 86 – 87, 112 – 113].

Художник Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785 – 1795 гг.) Л. Воронин оставил выразительные зарисовки, на которых нос и губы алеутов были украшены разными по форме лабретками (см.: [Ляпунова, 1987, с. 47], а также рис. 1). Своеобразный алеутский обычай привлек

внимание и капитана Дж. Кука. Его художник Дж. Вебер во время пребывания экспедиции на о-ве Уналашка (1778 г.) также сделал несколько зарисовок алеутов с лабретками в носу и губах [Там же, рис. на с. 47; Кук, 1971, с. 339 – 347].

Русские мореходы и путешественники украшения для лица называли по-разному – кнопками, вставками, пробками, заставками, колюжинами, сукли [Вениаминов, 1840, с. 112]. В научной литературе после раскопок, проведенных в 1909 – 1910 гг. В.И. Иохельсоном на Алеутских островах, закрепился термин “лабретки” [Jochelson, 1925].

В ходе археологических исследований на Алеутских [Ibid; Aigner, 1966] и Курильских [Баба, 1934, 1939; Кодама, Оба, 1958] островах, а также на Аляске [Laguna, 1934; Bandi, 1969] удалось установить истоки традиций ношения лабреток. Так, при раскопках стоянки Чалука на Алеутских островах лабретки были обнаружены во всех культуросодержащих слоях, при этом самые ранние из них датируются в диапазоне $1\ 724 \pm 55 - 1\ 198 \pm 59$ лет до н.э. [Aigner, 1966].

Будучи достаточно давно известными благодаря этнографическим и археологическим коллекциям, лабретки и сегодня воспринимаются в основном как некие экзотические изделия, их назначение и семантика остаются до конца не разгаданными. Пока нет ни отечественных, ни зарубежных обстоятельных публикаций, в которых обобщались бы данные, касающиеся происхождения, смыслового содержания и назначения лабреток. Наиболее подробным является описание, составленное В.И. Иохельсоном, 11 собранных им в 1909 – 1910 гг. на Алеутских островах лабреток [Jochelson, 1928, fig. 84 – 93]. В 1958 г. японские ученые С. Кодама и Т. Оба суммировали ин-

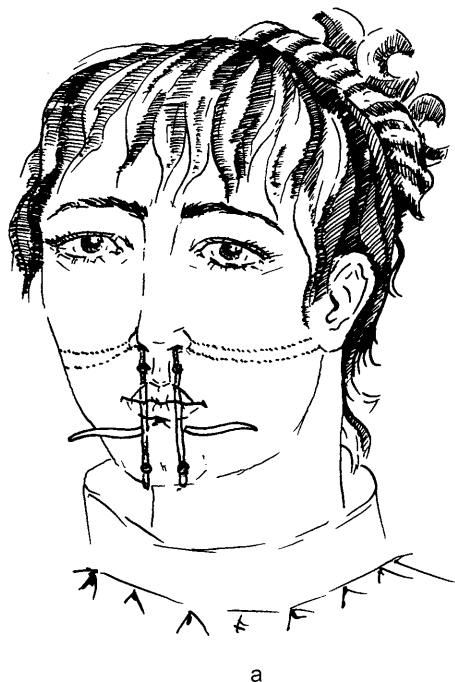

Рис. 1. Девушка (а) и мужчина (б) с о-ва Уналашка.
а – рисунок художника экспедиции Дж. Кука Дж. Веббера (по Р.Г. Ляпуновой [1987]), б – рисунок художника экспедиции Н.И. Биллингса – Г.А. Сарычева Л. Воронина (по Р.Г. Ляпуновой [1987]). Графические прорисовки Ю.В. Табаревой.

формацию о лабретках, обнаруженных на Алеутских и Курильских островах, а также в раковинной куче Моёро на Хоккайдо [Кодама, Оба, 1958]. В своей работе они широко использовали публикации В.И. Йохельсона [Jochelson, 1928], И.Е. Вениаминова [1840], русского мореплавателя Г.А. Сарычева [1952], историка Л.Я. Берга [1946]. Авторами была предложена классификация лабреток с выделением нескольких типов [Кодама, Оба, 1958, с. 275 – 277], рассмотрены способы их крепления [Там же, с. 274 – 275]. Однако основное внимание они уделили результатам проводившихся в 1947 – 1948 гг. раскопок раковинной кучи Моёро (у поселения Абассири, относящегося к охотской культуре (первая половина I тыс. н.э.)), изучению антропологического материала сделанных в ней погребений. Как было установлено благодаря суммированию признаков обнаруженных здесь черепов взрослых мужчин и их сравнению с айнскими и алеутскими сериями, население Моёро было связано с алеутами и полностью отличалось от айнов ([Там же, с. 290 – 292]; критический обзор этих теорий см.: [Васильевский, 1973, с. 193 – 194; Васильевский, Голубев, 1976, с. 170 – 171]).

В последние годы появилась информация о лабретках, найденных недавно на Камчатке [Диков, 1971, с. 16 – 17; 1977, с. 84 – 86, табл. 25, 10; 1979, рис. 21, 7], на Таймырском полуострове [Хлобыстин, 1972, с. 104 – 105, рис. 31, 26, 27] и нижнем Амуре [Медведев, 2000, с. 66, рис. 9]. Каждый из авторов новых

открытий стремится удревить время и определить место появления подобных украшений в Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америке. Вместе с тем не все из вновь найденных предметов являются лабретками в полном смысле этого понятия, и они требуют обсуждения. Остаются дискуссионными вопросы хронологии лабреток, их истоков, смыслового содержания.

Местонахождения и характеристика лабреток

В настоящее время в университетских центрах и музеях России, США, Японии хранится около 100 этнографических и археологических образцов лабреточных украшений. В предлагаемой статье рассматриваются лабретки, найденные в процессе археологических раскопок и подъемных сборов. Шире всего они представлены в коллекциях с Алеутских островов. В.И. Йохельсоном на поселении Аглагах на о-ве Умнак и пещере Аткалах на о-ве Атка были обнаружены 11 целых лабреток, а также фрагменты этих украшений [Jochelson, 1928, p. 100 – 113, fig. 84 – 93] (рис. 2). На островах Кагамил и Иллах в пещерах с мумиями лабретки находили в разные годы А. Хрдличка, Т. Бенк, А. Мей ([Aigner, 1966, p. 66], устное сообщение В. Лафлина). Богатая серия лабреток была получена при раскопках стоянки Чалука на юго-западной оконечности о-ва Умнак (Алеутский архипелаг) [Ibid, p. 57 – 83] (рис. 3).

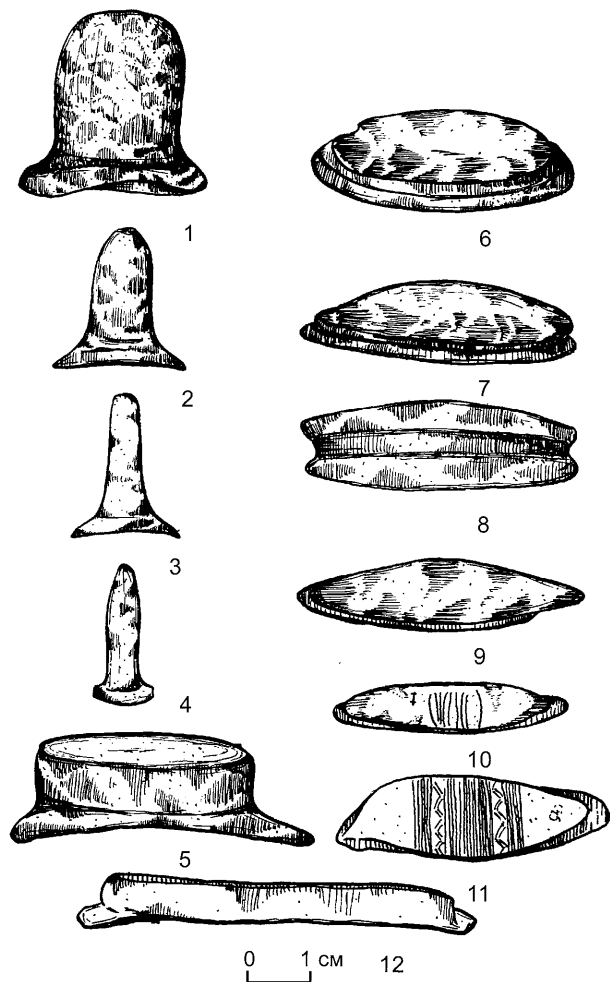

Рис. 2. Лабретки с Алеутских островов (по В.И. Иохельсону [Jochelson, 1928]).

К востоку и северо-востоку от Алеутов лабреточные украшения обнаруживали в памятниках эскимосских культур Качемак I, Ипиутак, Нортон, Оквик, Бирник на Юго-Западной и Северной Аляске [Bandi, 1969, p. 93 – 95, 113 – 124, fig. 31, 51]. Это в основном единичные образцы, исключение составляет коллекция лабреток (11 целых изделий и фрагменты) из залива Кука [Laguna, 1975, p. 204 – 206, fig. 51, 17 – 36] (рис. 4).

Еще одна область распространения лабреточных украшений – Курильские острова. В 1933 г. японским археологом О. Баба были начаты археологические раскопки на островах Шумшу, Парамушире, Итуруп, которые с небольшими перерывами продолжались до 1938 г. В процессе раскопок раковинных куч с остатками котлованов жилищ полуподземного типа О. Баба вместе с керамикой охотской культуры и каменными орудиями (ножи, наконечники дротиков и стрел, скребки) нашел четыре лабретки: две на о-ве Шумшу и две

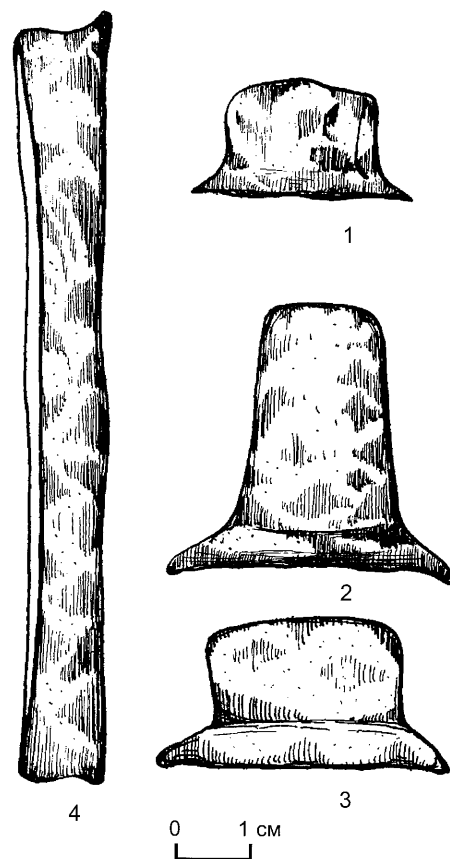

Рис. 3. Лабретки с поселения Чулука на о-ве Умнак (по Дж. Айгнер [Aigner, 1966]).

на о-ве Парамушире [Баба, 1934, p. 39 – 63; 1939, p. 51] (рис. 5, 5, 7). Во время второй мировой войны на о-ве Шумшу на участке раскопа О. Баба, сотрудником археологической лаборатории Института изучения культур Севера Хоккайдского университета К. Кикуги, на глубине 1,2 – 1,5 м было найдено три лабретки [Кодама, Оба, 1958, с. 280, рис. 3] (рис. 5, 1 – 3). По сообщению С. Кодама и Т. Оба, в археологической лаборатории Хоккайдского университета находятся еще два лабреточных украшения. Одно из них с о-ва Шумшу, местом нахождения другого называют о-в Кунашир или о-в Уруп [Там же, с. 281 – 283] (см. рис. 5, 4, 6). Особое внимание С. Кодама и Т. Оба уделили описанию трех лабреток и одного фрагмента, найденных в раковинной куче Моёро на Северном Хоккайдо в ходе раскопок, которые велись Токийским и Хоккайдским университетами в 1947 – 1948 г. [Там же, с. 273 – 279] (рис. 6).

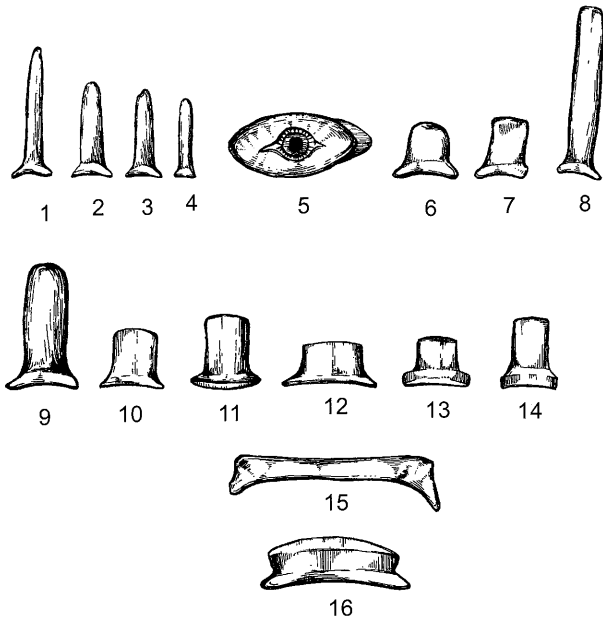

Рис. 4. Лабретки с берегов залива Кука
(по Ф. Лагуна [Laguna, 1975]).

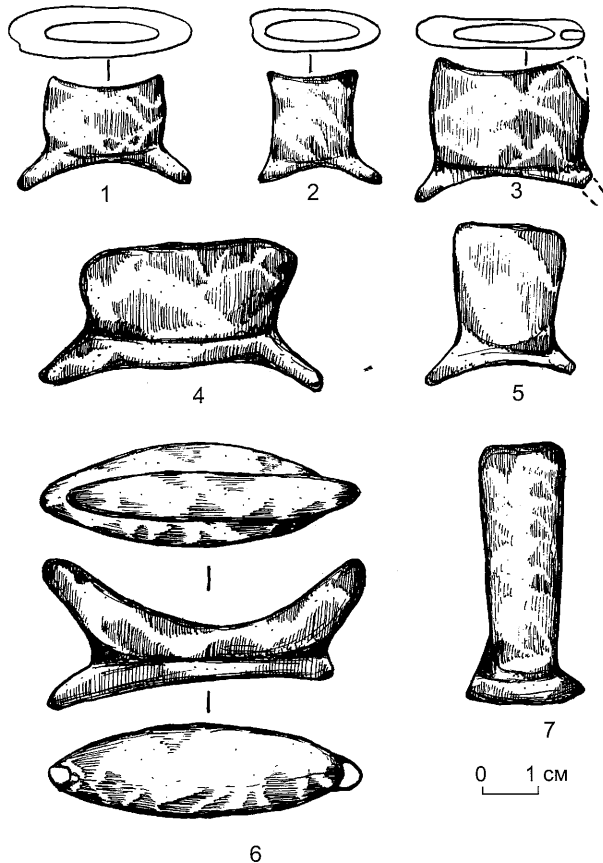

Рис. 5. Лабретки с Курильских островов
(по С. Кодама, Т. Оба [1958]).

Обнаружение лабреток на Хоккайдо явилось сюрпризом и вызвало сначала восторг, а затем удивление японских археологов. Дело в том, что лабретки из Моёро, во-первых, оказались аналогичными алеутским образцам, описанным В.И. Иохельсоном; во-вторых, были обнаружены далеко к югу от Алеутских островов; в-третьих, их зафиксировали в раковинной куче рядом с погребениями, черепа из которых по ряду краниологических признаков японские антропологи квалифицировали как близкие алеутским. Все это вызвало оживленное обсуждение различных теорий о культурно-этнических связях северных и южных областей Тихоокеанского Севера [Арутюнов, Сергеев, 1969, с. 110; 1975, с. 184 – 191; Васильевский, Голубев, 1976, с. 173 – 189; Честер, 1962, с. 94 – 99; Bandi, 1969, р. 93 – 98; Befu, Chard, 1964, р. 3 – 18; Black, 1983, р. 49 – 78]. Специалисты подчеркивали оригинальность лабреток, выделявшую их среди привычных украшений представителей северных культур. Среди всех известных в настоящее время лабреток, распространенных от Северной Аляски до Хоккайдо, по форме можно выделить шесть основных (ведущих) типов. Тип первый – шляпообразные (см. рис. 2, 1, 5; 3, 1 – 3; 4, 6, 7, 10 – 14, 16; 5, 1 – 4); второй – в виде манжетных пуговиц (запонок) (см. рис. 2, 6 – 8; 6, 1 – 3); третий – в форме пробок для стеклянных флаконов (см. рис. 2, 2 – 4; 4, 1 – 4, 8, 9; 5, 7); четвертый – эллипсоидные (см. рис. 2, 9 – 11; 4, 5); пятый –

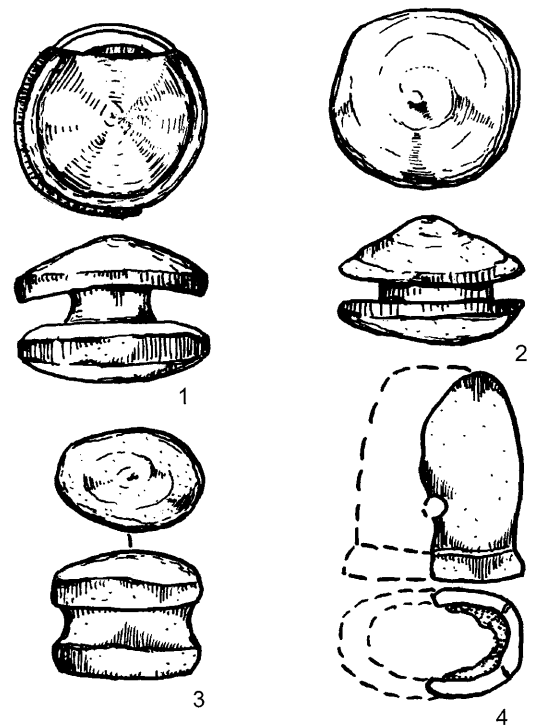

Рис. 6. Лабретки из раковинной кучи Моёро
(по С. Кодама, Т. Оба [1958]).

ладьевидные (см. рис. 2, 12; 4, 15; 5, 6); шестой – длинные, прямоугольных очертаний (см. рис. 3, 4).

Лабретки одного вида могут различаться по размерам, быть симметричными или асимметричными в деталях. Так, среди шляпообразных лабреток у одних высота и диаметр основания (4×4 см) совпадают (см. рис. 3, 3; 4, 13), у других – высота меньше диаметра основания ($1,5 \times 3$ см, $1,2 \times 4$ см) (см. рис. 2, 5; 4, 16), у третьих – наоборот, высота больше диаметра основания (см. рис. 2, 1; 3, 2). У некоторых лабреток выступы в основании могут быть симметричными или асимметричными (см. рис. 4, 8, 9; 5, 2). Различия в размерах особенно сильно проявляются среди лабреток в форме пробок: их высота варьирует от 4,6 до 1,2 см (см., например, рис. 4, 1 – 4, 8). Лабретки прямоугольных очертаний в длину достигали 15 – 18 см (см. рис. 3, 4).

В верхней части отдельных образцов на ровной поверхности имелись небольшие углубления, в которые вставляли красивые и даже драгоценные камни или раковины моллюсков редких видов. Одна такая лабретка шляпообразной формы размерами $3,5 \times 1,5 \times 3$ см была обнаружена в слое 2 стоянки Чалука на о-ве Умнак. Как пишет Д. Айгнер, в ее верхней части находилось углубление, в которое был вставлен алмаз [Aigner, 1966, p. 66]. Д. Айгнер, ссылаясь на устное сообщение В. Лафлина, отмечает, что аналогичная лабретка, окрашенная в красный и зеленый цвет, с алмазом была найдена А. Мэйем в пещере с мумиями на о-ве Кагамия [Ibid]. В. Лафлин упоминал и о выявленных А. Хрдличкой в 1936 – 1938 гг. на Алеутских островах лабретках, которые были инкрустированы кусочками янтаря и горного хрусталя.

Повышенный интерес вызывают орнаментированные лабретки. Изображения двух из них со стоянки Аткалах на о-ве Умнак и из пещеры на о-ве Атка опубликованы В.И. Йохельсоном [Jochelson, 1928, fig. 84, 88]. Лабретки сделаны из дымчатого мрамора и мастерски отшлифованы до блеска. На одной из поверхностей тонкими резными линиями нанесен геометрический орнамент (см. рис. 2, 10, 11). Еще более поражает изысканностью формы, творческой фантазией рисунка лабреточное украшение из залива Кука [Laguna, 1975, p. 256, Pl. 51, fig. 21]. Оно с большим техническим совершенством вырезано из клыка моржа, хорошо отполировано и украшено изображением удлинённого, египетского по очертаниям глаза. Ресницы, веки глаза детально проработаны, вместо зрачка – углубление, вероятно, для красивого камня (рис. 4, 5). Встречаются лабретки с отверстиями для крепления дополнительных украшений (подвесок, брелоков).

Для изготовления лабреток использовались клыки моржа, кости кита, сивуча, оленя, птиц, красивые

камни, раковины моллюсков, глинистый сланец. Большинство эскимосских лабреток вырезано из моржового клыка [Ibid, p. 256, Pl. 51, fig. 19, 21, 27, 31, 35], но встречаются также изделия из мрамора светлых оттенков [Ibid, fig. 20], глинистого сланца [Ibid, fig. 30, 32, 34]. На Алеутских островах представлены в основном костяные лабретки (см. рис. 2, 1 – 8, 12; 3, 1 – 4), найдено три образца из мрамора (см. рис. 2, 9 – 11). Лабреточные украшения с Курильских островов сделаны из кремнистого сланца красноватого цвета [Кодама, Оба, 1958, с. 280 – 283]. Лабретки из раковинной кучи Моёро на Хоккайдо костяные [Там же, с. 278 – 280].

Хронология, происхождение, смысловое содержание

Долгое время считалось, что обычай носить лабретки появился не ранее рубежа эр. Однако раскопки поселения Чалука на о-ве Умнак опровергли это заключение. Согласно Д. Айгнер, на поселении выделены четыре культуросодержащих слоя, для которых получена серия радиоуглеродных дат. Анализ этих дат показывает, что на протяжении почти 1 тыс. лет (с 1724 ± 55 до 716 ± 57 лет до н.э. (слои IV – II)) Чалука заселялась непрерывно. Затем в последовательности культурных отложений фиксируется хронологический разрыв примерно в 1,2 тыс. лет (от 716 ± 57 лет до н.э. по 506 ± 47 лет н.э.). Около 500 г. н.э. поселение начало заселяться вновь, и в дальнейшем люди здесь жили непрерывно до прихода европейцев (слой I) [Aigner, 1966, p. 57 – 83]. Лабретки найдены во всех слоях, причем в слоях IV – II их формы не менялись (шляпообразные и в виде манжетных пуговиц). В слое I найдены крупные образцы прямоугольных очертаний. Отсюда следует, что обычай носить лабреточные украшения у палеоалеутов существовал уже около 4 тыс. л.н.

Радиоуглеродные даты памятника Нижняя Чалука (слои IV – III), соответствующие периоду 1724 ± 55 – 1198 ± 50 лет до н.э., хорошо согласуются с археологическими и стратиграфическими данными и определяют наиболее раннее на сегодня время появления лабреток в северной части Тихоокеанского побережья. Попытки удревнить возраст бытования подобных украшений на северо-востоке Азии пока не имеют серьезных обоснований. В 1964 г. Н.Н. Диков сообщил о каменной лабретке, обнаруженной в комплексе развитого неолита на р. Камчатке [1964, с. 11]. Позже в опубликованной им сводке материалов археологических памятников Камчатки, Чукотки и верхней Колымы в неолитических комплексах Камчатки лабретки указаны не были, но отмечена лабретная шпилька (?) из кремнистого сланца со стоянки Зайстойчик [1977, с. 86, табл. 25, 10]. В 1971 г. в автореферате доктор-

ской диссертации и последовавшей за ним монографии Н.Н. Диков писал о находке в слое поздней ушковской верхнепалеолитической культуры (10 860 ± 400; 10 760 ± 110; 10 360 ± 345 л.н.) лабретовидного изделия из стеатита [1971, с. 16 – 17; 1979, с. 54, 60, рис. 21, 7]. По форме изделие похоже на лабретки, но не тождественно им. Не случайно Н.Н. Диков не рискнул сохранить принятое для таких украшений название “лабретка”, а использовал нейтральный термин “лабретовидное изделие”. Тем не менее это не помешало ему сделать вывод о том, что “отмеченная лабретками этническая общность (ушковская. – **Р.В.**) имеет отношение к древнейшим эскоалеутам” [1979, с. 280]. Конечно, соблазнительно считать местом возникновения обычая носить лицевые украшения Камчатку, однако это не соответствует археологическим и этнографическим реалиям.

Общие закономерности и особенности культурно-исторического развития в разных ландшафтно-климатических зонах ориентируют на поиск истоков традиций использования лицевых украшений не в северных широтах с их экстремальными условиями, а в южных, где эти традиции были наиболее развиты. Такой областью можно считать Океанию, в первую очередь зону расселения ее папуасоязычной группы аборигенов, в среде которой до настоящего времени сохраняются старые обычаи раскрашивать лица и украшать нос и губы разными вставками во время национальных, этнических танцев (см., например: [Страны и народы мира..., 1981, с. 143 – 144]). Между разными культурными подразделениями Юго-Восточной и Восточной Азии на протяжении эпох происходили разнообразные взаимодействия, контакты. Культурные импульсы достигали Китая, Японии, долины Амура (см.: [Кабо, 1969, с. 300 – 328; Окладников, 1971, с. 114 – 117]).

Посредством этих контактов обычаи украшать лица мог попасть в Японию. В этом отношении неолитические культуры дзэмон Японии представляются перспективными для выяснения вопроса о происхождении лабреточных украшений.

Еще в 1911 г. Г. Монро высказал предположение, что лабретки могли носить жители Японских островов в эпоху неолита. При этом он ссылаясь на глиняные фигурки (догу), уголки рта у которых были украшены тонкими насечками, изображавшими, по мнению исследователя, татуировку или пробки для губ [Munro, 1911, p. 225, 260, fig. 149, 161]. В настоящее время предположение Г. Монро нашло новые подтверждения.

По сообщениям японских археологов, на некоторых стоянках позднего дзэмона (2 000 – 1 000 лет до н.э.) на о-ве Хоккайдо и Северо-Восточном Хонсю найдены глиняные лабретки грибовидной формы [Натори, Мацусита, 1973, с. 188 – 190, 195]. Верхняя по-

верхность их шляпок орнаментирована. Узор состоит из вписанных друг в друга стилизованных ромбов, последний ромбик – с точкой в центре. Встречаются узоры, в которых ромбик с точкой заменяется кружком с точкой [Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982, с. 158, рис. 70, 2, 3]. Последний элемент напоминает “глазчатый” орнамент в искусстве эскимосов древнеберингоморско-оквикского времени [Арутюнов, Сергеев, 1969, с. 170, рис. 52, 93; 1975, рис. 44, 49 и др.]. С лабретками связаны узоры из резных линий и накольчатых ямочек, которыми украшены догу [Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982, с. 159 – 168, рис. 71 – 73]. Наколки на животе и лице догу японские археологи трактуют как имитацию татуировки [Такаяма, 1970, с. 210 – 212]. Существенно, что наблюдаемые этнографами татуировки на лице, подбородке, у рта, носа, ушей в ряде случаев совпадают с местами расположения лабреток и ушных подвесок и соответствуют болевым жизненно важным точкам, определяемым восточной медициной. Ведущие японские археологи Т. Сэридзава, Т. Эсака, И. Яваго считают, что в эпоху дзэмон люди уже делали татуировку, в частности, на лице [Там же, с. 16 – 24]. На некоторых догу с островов Хоккайдо, Хонсю отмечаются следы черной и красной (охры?) краски [Ногути, 1976, с. 55, 75].

О связях татуировки с лабретками свидетельствуют и данные этнографии. Так, И. Вениаминов, проживший среди алеутов десять лет (1824 – 1834) и наблюдавший их быт, нравы, обычаи, писал: “Женщины пронизывают носовой хрящ, уши и нижнюю губу. В ушах носили серьги, в нижнюю губу вставляли пару суклей (лабреток. – **Р.В.**), иногда украшенных горным хрусталем. На шее, руках и даже на ногах носили разной формы ожерелья, которые делались из разноцветных камней, особенно из янтаря, а также костяных подвесок” [1840, с. 112]. Такие ожерелья иногда были очень дорогими [Там же]. Вместе с такими украшениями, писал И. Вениаминов, “женщины имели обычай накалывать лица разными узорами” [Там же, с. 113]. Татуировку делали обычно на подбородке (две-три полоски) и носу (одна полоска вдоль и две полоски поперек) ([Там же, с. 9], см. также рис. 1). Иногда узор усложнялся. И. Вениаминов подчеркивал, что “красавицы и дочери славных и богатых предков и отцов в узорах своих старались выказать и выколоть подвиги своих дедов, отцов и дядей, например, кто из них сколько на своем веку убил неприятелей на войне или сильных зверей на промысле” [Там же]. Сложность узора зависела от совершенных подвигов [Там же]. Г.А. Сарычев, будучи в 1792 г. на о-ве Уналашке, наблюдал татуировку лица девушки-алеутки, достигшей брачного возраста(?). Татуировка у женщин сочеталась с украшением лица лабретками [Сарычев, 1952, с. 208 – 218,

288 – 289]. Мужчины также носили лабретки, но на их лицах не было татуировки. Как писал И. Вениаминов, “мужчины пронизывали нижнюю губу, носовой хрящ и уши и вставляли в губу две сукли, у которых наружные концы были загнуты, или одну, наподобие пуговицы или запонки... в носовой хрящ вставляли одну косточку” [1840, с. 112]. Как различались женские и мужские лабретки не указывается, но отмечается, что количество отверстий на лице для вставок было разным: у женщин до шести, у мужчин – две-три [Берг, 1924; Laguna, 1975, р. 205]. Лабретки вставляли в детском возрасте, сначала деревянные палочки, а по достижению совершеннолетия – каменные или костяные. Но носить их имели право только представители семей знатных предков. В этом отношении лабретки имели то же смысловое значение, что и татуировка. Селенгинский купец, организатор нескольких промысловых плаваний в период между 1749 – 1766 гг. на острова Атту и Агату Алеутского архипелага А. Толстых, друживший с алеутами и понимавший их, писал: “Эти украшения (лабретки. – Р.В.) по их обычаю означают своего рода благодарность за общественные достоинства всей семьи” [Берг, 1924, с. 118 – 122].

Некоторые этнографы, занимавшиеся изучением религии эскимосов, чукчей, алеутов нередко рассматривали лабретки как амулеты и связывали их с общей системой шаманских представлений (см., например: [Богораз, 1939, с. 75 – 78, 117 – 118; Иохельсон, 1904, с. 33 – 41]). Вместе с тем наблюдавший сценические представления с лабретками И. Вениаминов писал: “...на них никогда не шаманили, а только представляли в лицах что-либо историческое из их древних событий” [1840, с. 86]. Праздники с демонстрацией сцен славных подвигов предков происходили обычно зимой то в одном, то в другом селении. Жители селения собирались в общей бараборе (подземное жилище) и каждое селение “старалось перещеголять друг друга в изображении сцен, искусстве представлений и богатом угощении” [Там же]. В роли главных персонажей выступали два чучела “необычайной величины, сделанные из травы и одетые в лучшие одежды, в середине коих действовал человек” [Там же]. В этом сюжете отчетливо проступают дуалистические черты, отражавшие борьбу доброго и злого начал. Согласно мифологическим традициям народов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки, добрый побеждает злого [Золотарев, 1964, с. 132 – 139, 257 – 260]. Во время борьбы чучел-великанов участники праздника плясали, били в бубны, пели песни. Почетные места занимали зрители, носившие лабретки. Все входившие на сцену были в масках, украшенных крупными лабретками [Там же, с. 97]. Представления продолжались несколько дней [Там же].

Заключение

Все известные в настоящее время образцы лабреточных украшений по форме делят на несколько основных типов: шляпообразные, в виде манжетных пуговиц, пробок для стеклянных флаконов, эллипсоидные, ладьевидные, длинные прямоугольных очертаний. Некоторые лабретки инкрустированы красивыми камнями или раковинами моллюсков редких видов. Встречаются орнаментированные лабретки. Лабретки изготавливались из клыка моржа, костей птиц, животных, камней, раковин моллюсков.

Актуальным и интересным остается вопрос о месте и времени возникновения традиции носить лабретки. Археологические и этнографические данные с учетом ландшафтно-климатических зон, экологических особенностей ориентируют на поиск истоков таких украшений в южных областях Тихоокеанского бассейна, в частности, в экзотической Океании.

В процессе культурных взаимодействий, контактов обычай использовать лицевые украшения достиг Японии. Неолитические культуры дзэмон Японии представляются наиболее перспективными для выяснения вопроса о происхождении лабреток. На стоянках позднего дзэмона на островах Хоккайдо, Хонсю вместе с глиняными лабретками находят глиняные женские скульптурки (догу). Некоторые догу украшены резными линиями и накольчатыми ямочками на подбородке, в уголках губ, вдоль носа, на ушах. Японские археологи трактуют эти находки как имитацию татуировки. Существенно, что участки наколок на лицах женщин, запечатленных в догу, совпадают с фиксируемыми этнографами точками расположения лабреток и ушных подвесок.

Смысловое содержание татуировок и лабреток было единым – “выказать подвиги своих дедов, отцов, дядей”. Сценические представления с лабретками демонстрировали славные подвиги предков, исторические события из древней жизни. На этих праздниках никогда не шаманили. Наибольшее количество лабреток обнаружено на Алеутских островах и на берегах залива Кука. Отсюда они, по мнению большинства исследователей, распространились на север Аляски.

Этнографические лабретки и татуировка являются продолжением древних традиций, сохраняющих основное смысловое содержание.

Список литературы

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов. – М.: Наука, 1969. – 206 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
- Баба О. Доклад об археологических раскопках на о-ве Шумшу на Северных Курилах // Дзинруйгаку Дзасси. – 1934. – Вып. 49, № 2. – С. 39 – 63 (на яп. яз.).

- Баба О.** Северные Курилы в свете археологии // Дзинруйгаку Сэнсигаку Кодза. – 1939. – Вып. 10. – 96 с. (на яп. яз.).
- Бенк Т.** Колыбель ветров. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1960. – 198 с.
- Берг Л.С.** Из истории открытия Алеутских островов // Землеведение. – 1924. – Т. 26, вып. 1/2. – С. 116 – 123.
- Берг Л.С.** Открытие Камчатки и экспедиция Беринга 1725 – 1742 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 379 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 194 с.
- Васильевский Р.С.** Древние культуры Тихоокеанского Севера. – Новосибирск: Наука, 1973. – 268 с.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения на Сахалине. – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с.
- Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу.** Культуры каменного века Северной Японии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 208 с.
- Вениаминов И.** Записки об островах Уналашкинского отдела. – СПб.: Б.и., 1840. – Ч. 1. – 364 с.; Ч. 2. – 413 с.; Ч. 3. – 134 с.
- Врангель Ф.Н.** Обитатели северо-западных берегов Америки // Сын Отечества. – 1839. – Т. 7. – С. 51 – 82.
- Диков Н.Н.** Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных // История и культура народов Северо-Востока СССР. – Магадан: Кн. изд-во, 1964. – С. 5 – 27. – (Тр. СВКНИИ СО АН СССР; Вып. 8).
- Диков Н.Н.** Древние культуры Камчатки и Чукотки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1971. – 48 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 392 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Золотарев А.М.** Родовой строй и первобытная мифология. – М.: Наука, 1964. – 328 с.
- Иохельсон В.И.** Об азиатских и американских моментах в мифах коряков // Землеведение. – М.; Л.: Б.и., 1904. – Т. 3. – С. 33 – 41.
- Кабо В.Р.** Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. – М.: Наука, 1969. – 418 с.
- Кодама С., Оба Т.** Лабретки // Хонно Бунка. – 1958. – Вып. 13. – С. 271 – 293 (на яп. яз.).
- Кук Дж.** Третье плавание капитана Джеймса Кука: Плавание в Тихом океане в 1776 – 1780 гг. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1971. – Т. 3. – 362 с.
- Ляпунова Р.Г.** Алеуты. – Л.: Наука, 1987. – 428 с.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 56 – 69.
- Народы Сибири.** – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1083 с.
- Натори Т., Мацусита В.** Культура позднего дзёмона Хоккайдо // Доисторическая культура (Сэнсидзидай-но бунка). – Токио: Б.и., 1973. – Т. 3. – 200 с. (на яп. яз.).
- Ногуты Ё.** Глиняные и каменные изображения // Раскопки древней истории (Кодайси-но хаккуцу). – Токио: Б.и., 1976. – Т. 3. – С. 50 – 82.
- Окладников А.П.** Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 332 с.
- Сарычев Г.А.** Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану... под начальством флотакапитана Биллингса. – 2 изд. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1952. – 325 с.
- Страны и народы:** Австралия и Океания. Антарктида. – М.: Мысль, 1981. – 301 с.
- Такаяма Д.** Тагуировка у дзёмонских людей (Дзёмон-дзин-но ирэдзуми). – Токио: Б.и., 1970. – 212 с.
- Хлобыстин Л.П.** Поселение развитого неолита и его место в неолите Восточной Сибири // КСИА. – 1972. – № 131. – С. 99 – 106.
- Честер С. Чард.** Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана // СЭ. – 1962. – № 5. – С. 94 – 99.
- Aigner J.** Bone tools and Decorative Motifs from Chaluka, Umnak Island // Arctic Anthropology. – 1966. – V. 3, N 2. – P. 57 – 83.
- Bandi H.** Eskimo Prehistory. – Fairbanks: Alaska Press, 1969. – 226 p.
- Befu H., Chard Ch.** A Prehistoric Maritime Culture of the Okhotsk Sea // American Antiquity. – 1964. – V. 30, N 1. – P. 1 – 18.
- Black L.** Some problems in interpretation of Aleut Prehistory // Arctic Anthropology. – 1983. – V. 20, N 1. – P. 49 – 78.
- Chard Ch.** Maritime Culture in the North Pacific: Age und Origin // International Amerikanischen Congress. – Vienna, 1960. – P. 279 – 283.
- Hrdlicka A.** The Aleutian and Commander Islands and their Inhabitans. – Philadelphia; S.n., 1945. – 603 p.
- Jochelson W.** Archaeological investigation in Kamchatka. – Wash.: Carnegie Institution, 1928. – 125 p.
- Laguna F.** The archaeology of Cook Inlet, Alaska. – 1 print. – Philadelphia: S.n., 1934; 2 print. – Anchorage: S.n., 1975. – 264 p. + Plate 77.
- Munro G.** Prehistoric Japan. – Yokohama: S.n., 1911. – 280 p.

Материал поступил в редколлегия 7.12.01 г.